

СЕКЦИЯ “ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ”

Н.Ф. Алефиренко

ТЕКСТ И ДИСКУРС В ФОКУСЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Белгородский государственный университет

“Текст”, “дискурс” и “языковая личность” — оказались в лингвистике текста, пожалуй, наиболее востребованными категориями, что не делает их, к сожалению, терминологически однозначными. Полагаю, что каждый из них может приобрести терминологическое значение только в результате выяснения того, как соотносятся данные понятия между собой. Прежде всего, отметим, что в наиболее противоречивых отношениях находятся первые два понятия: от их полного отождествления до диаметрального противопоставления. Напомним, что изначально термин *дискурс* (лат. *discursus*, фр. *discours*, англ. *discourse*) употреблялся в значениях ‘речь’, ‘разговор’ или ‘беседа’. Затем, в зарубежной лингвистике 70-х годов, приобретает значение близкое к тому, в каком Пражская функциональная школа использовала термин *функциональный стиль* речи (языка). Некоторые зарубежные исследователи дискурсом именовали тексты, о чем свидетельствует Словарик терминов лингвистики текста (1978 г.) Т.М. Николаевой: “Дискурс — многозначный термин лингвистики текста”. Наиболее значимый спектр его употреблений к середине 90-х годов XX века обозначен Ю.С. Степановым: “1) связный текст, 2) устноразговорная форма текста, 3) диалог, 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу, 5) речевое произведение как данность — письменная или устная” (6, 36-37). Однако выстроенный ряд ученый считает открытым и дает свое, неожиданное для середины 90-х годов XX века определение, соотнеся его с понятием “возможных миров”. Дискурс, в его понимании, — это, прежде всего, “совокупность текстов с особой грамматикой, особым лексиконом, особыми правилами словоупотребления и синтаксиса, особой семантикой. Дискурс представляет собой особый мир. Это возможный (альтерна-

тивный) мир” (6, 44-45). И все же данная концепция дискурса хотя и расширяет рамки лингвистики текста, все же остается в их пределах.

Пожалуй, впервые в поисках сущности данного понятия они преодолеваются М. Фуко, который определил дискурс как “тонкую контактирующую поверхность, сближающую язык и реальность, смешивающую лексику и опыт” (7, 49). В его интерпретации дискурс уже не сводится к языку и/или речи. Вместе с тем ученый признает ведущую роль языка в формировании дискурса, не отрицает их тесного взаимодействия. Теперь свойства дискурса соотносятся не только с языковой личностью (субъектом коммуникации), но и с обстоятельствами, сопровождающими его взаимодействие с разными объектами и сферами речемыслительной деятельности, входящими в состав дискурса. Тем не менее, подчеркивается, что именно с помощью языка и речи создается соответствующее дискурсивное пространство со всеми его конституирующими компонентами. Так, мельчайшей единицей дискурса, его конструктивным “атомом” М. Фуко считает высказывание, но уже понимаемое не только как речевое произведение. Известно, что логики определяют высказывание через пропозицию; лингвисты – через предложение; представители аналитической лингвистической философии в теории речевых актов – как иллокутивный акт.

В рамках взаимодействия с дискурсом высказывание предстает как дискурсивное событие, “которое ни язык, ни смысл не в состоянии полностью исчерпать” (4, 30). Таким образом, соотношение дискурса, высказывания и речевого акта подтверждают понимание высказывания как дискретной единицы синтаксического континуума, обращенной одной стороной к языку, а другой к речи.

Будучи включенным в дискурс, высказывание становится только одной из его интегральных составляющих. По отношению же к речевому акту высказывание оказывается его единственно возможной формой существования: посредством пропозиции, восходящей к интенциональности языковой личности, оно одновременно структурирует и план содержания, и план выражения речевого акта. Следовательно, не любое высказывание равно речевому акту. Таковым его делает интенциональность языковой личности – тот содержательно-функциональный аспект высказывания, который собственно, и делает его речевым актом¹. Ср.: диалог монаха Илиодора и священника

¹ Перформатизируя речевой акт, языковая личность как субъект дискурсивной деятельности открыто объявляет о своем речевом намерении и трансформирует нормальную структуру высказывания: его предметом (денотатом) становится интенция речи, а внеречевой денотат (пропозиция) ставится в зависимую позицию как целевое содержание интенции.

Остроумова в романе В. Распутина “Нечистая сила” (Красноярск, 1989). Речь идет о Гришке Распутине.

– *Зачем вы здесь появились? – грубо спросил он (Остроумов).*

– *В гости заехал ... к другу (Распутину).*

– *Ваш друг – замечательный мерзавец.*

Опытный интриган, Илиодор знал, что на противоречиях можно заставить собеседника высказать самое сокровенное.

– *Да бросьте! Отец Григорий хороший человек.*

– *Сволочь, каких еще поискать надо (с. 265).*

Смысловое содержание приведенного дискурса, как видим, гораздо глубже содержания высказываний, из которых состоит данный текст.

Итак, в теории дискурса имеются достаточные основания рассматривать высказывание **как речемыслительное образование, порождаемое и воспринимаемое языковой личностью**. В этом плане особенно актуальными становится вопрос о том, как в структуре языковой личности преломляются основные дискурсообразующие факторы: “язык – реальность”, “речь – среда (общения)”. Дискурс, таким образом, обретает статус сложного речемыслительного комплекса, в орбите которого находятся язык, речь, стиль, внеязыковые и языковые смыслы.

Оригинально пытается выйти за рамки собственно лингвистики текста и Т.А. ван Дейк, интерпретируя дискурс в коммуникативно-прагматическом аспекте. “Дискурс в широком смысле слова, – пишет автор, – является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта (4, 122). Дискурс, по его мнению, не ограничивается коммуникативными рамками, поскольку не является конкретным языковым высказыванием, текстом или диалогом (4, 122). Он представляет собой некое коммуникативное событие, наполненное прагматическим содержанием, личностными и социальными характеристиками коммуникантов, важными параметрами денотативной ситуации.

Связь с событием и речевым действием, видимо, имела в виду и Н. Д. Арутюнова, когда определяла дискурс как “текст, взятый в событийном аспекте”, как “речь, погруженную в жизнь” (3, 137). Современные исследователи, исповедующие широкое понимание дискурса, обращают внимание на многообразие форм его проявления. На этой основе выделяются разные типы дискурса: устный и письменный дискурс (Т.А. ван Дейк); разговорный дискурс (Е.В. Падучева), научный (С.В. Ракитина), художественный (И.И. Чумак-Жунь), которые различаются характером взаимодействия участников комму-

никативного события: языковой личности, смыслообразования и средств его вербализации.

В художественном дискурсе, основанном на принципах “косвенной коммуникации”, языковая личность как субъект речемыслительной деятельности (писатель — читатель) и ее продукт (текст) хотя и пребывают в особом, неявно выраженном взаимодействии, объединяются единым пространственно-временным полем представляемой денотативной ситуации.

Отсюда вытекает важное для нас положение: смысловое содержание дискурса воспринимается через смысловую структуру текста, рассматриваемую через призму когнитивной и прагматической деятельности языковой личности, производящей текст, и через призму интерпретирующего его восприятия читателем (ср.: 4, 123). Во взаимодействии высказывания, речевого акта и дискурса обнаруживается определенная иерархия. *Дискурс* — это речемыслительное пространство, конститuentами которого наряду с другими объектами выступают *речевые акты* и *высказывания*. Однако этим сущность дискурса не исчерпывается, поскольку дискурс еще и сложная когнитивная структура — совокупность взаимодействующих концептов и их различных конфигураций (фреймов). Каждому типу дискурса соответствует определенный тип концепта. Смыслообразующую роль в рождении художественного дискурса выполняет художественный концепт — зародыш и смысловое зерно художественного дискурса. Полевая конфигурация компонентов в структуре художественного концепта такова, что его ядро образует отражаемый языковой личностью предметно-чувственный образ, продуцирующий в его содержании конкретно-ассоциативные смыслы. Заядерные компоненты смысловой структуры художественного концепта порождаются разного рода отношениями языковой личности к соответствующей денотативной ситуации в виде эмоций, оценок, обыденных (житейских) понятий, индивидуальных смыслов. Поэтому концепты в художественном дискурсе, как ни в каком ином, если воспользоваться словам Ю.С. Степанова, не только мыслятся, но и переживаются всеми участниками дискурсивной деятельности — автором и читателями. Поэтому концепт в структуре художественного дискурса — основной источник когнитивно-семиологического развития словесной образности. С другой стороны, образное слово — источник разнообразных субъективно-ассоциативных представлений языковой личности. Собственно этим предопределяется культурологическая значимость образного слова, его конструктивная роль в художественном моделировании этноязыковой картины мира, в отражении менталитета говорящего на данном языке народа. Образное слово, востребованное коммуникативными намерениями языковой личности и смысловыми пара-

метрами соответствующего художественного дискурса, способно выражать самые неожиданные оттенки репрезентируемого концепта, индуцируемые его образными, оценочно-смысловыми, мифическими и эмотивными составляющими. При таком подходе дискурс нечто большее, чем язык, речь или стиль. Тем не менее, именно языковыми и речевыми средствами конституируется смысловое поле дискурса, выявляются его компоненты.

С языковой личностью (5, 37) рассматриваемые категории находятся во многоступенчатых иерархических отношениях. Языковая личность – субъект дискурсивного смыслообразования, его продуктом является текст, мельчайшей единицей которого служит высказывание. Поскольку дискурс стремится к бессубъектному статусу его связь с языковой личностью отрицается. В разрабатываемой нами с позиций лингвосинергетики когнитивно-семиологической концепции дискурса обосновывается противоположная точка зрения (2, 75). Согласно ее постулатам, исключение личностного начала равнозначно утрате специфичности дискурса как синергетического феномена. В нашем представлении, дискурс является своеобразным фокусом пересечения языковых личностей (субъектов речи). Поэтому дискурс – это синергетическое образование, в котором языковая личность – и порождающий дискурс феномен, и продукт дискурсивной деятельности этнокультурного сообщества. Смысловое поле дискурса формируется личностными знаниями субъектов дискурсивной деятельности. Художественная ценность дискурса определяется диалоговым типом языковой личности, открытой и креативно, от которой зависит достижение устойчивой интерсубъективной гармонии в структуре дискурса вообще и текста как его продукта в частности.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Содержательные импликации дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. науч. альманах. – Ставрополь – Пятигорск, 2004. – С. 6-14.
2. Алефиренко Н.Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: Монография. – Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999. 896 с.
4. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. 312 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
6. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука. – М., 1996. 208 с.
7. Фуко М. Археология знания. – М., 1996. 208 с.